

тех пор, как Пушкина на моих глазах на картине Наумова – убили, ежедневно, ежечасно, непрерывно убивали все мое младенчество, детство, юность – я поделила мир на поэта – и всех, и выбрала – поэта...» [2]. Так родился мир Цветаевой, мир поэта контрастов, поэта крайностей, певца большой любви и большой трагедии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Цветаева М.И. Собр. соч.: в 7 т./ сост. А. Саакянц и Л. Мухин. – М., 1994, Т.1;
2. Цветаева М.И. Мой Пушкин. Собр. соч.: в 7 т./ сост. А. Саакянц и Л. Мухин. – М., 1994. – Т. 5;
3. Цветаева М.И. Любви старинные туманы: стихотворения 1911-1921 гг. Ред.-сост. И.А. Курамжина. – М., 1996.
4. Цветаева А.И. Воспоминания. В 2. т. – М., 2008. –

Т. 1.

5. Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. – М., 2008.

E. Kirianova

FOLKLORE AND LITERARY MOTIVES IN THE TSVETAEVA'S EARLY LYRIC POETRY

Abstract. The central motives of the two first Tsvetaeva's collections "Evening album", "Magic light" are analyzed in the article. The young poets mother instilled love to Russian and European folklore and other literary works and those ones influenced the formation of the poetic view of Tsvetaeva.

Key words: motive, early lyric poetry, childhood, books, folklore.

УДК: 830 (73)

Коновалова Ж.Г.

ПУРИТАНСКИЙ КОМПОНЕНТ «АМЕРИКАНСКОЙ МЕЧТЫ»*

Аннотация: В статье «Пуританский компонент «американской мечты» анализируются основные составляющие «американской мечты, акцентируется внимание на главенствующей роли пуританских идей в формировании таких составляющих феномена «американской мечты», как идею предначертанности, богоизбранности и особой миссии Америки в мире, американского индивидуализма и «новых начинаний».

Ключевые слова: «американская мечта», пуританский компонент, предначертанность, богоизбранность, особая миссия США в мире.

Говоря о зарождении американского государства и американской нации, а также формировании «американской мечты», многие исследователи подчеркивают главенствующую роль пуританских идей. Среди них С. Беркович, который пишет, что пуританские идеи оказали значительное воздействие на формирование «американскости»: «колониальный пуританский миф объединил самоутверждение индивида и общества и тем самым поддержал идею особого американского пути» [5, 19], Л. Гринфилд, которая отмечает, что «важную роль в становлении американского национального сознания сыграл религиозный фактор» [5, 20], Дж. Хайем, ко-

торый «возводит идеологическую общность американцев к пуританству» [5, 20], Т.Г. Голленпольский и В.П. Шестаков, которые считают, что «присущий отцам-пилигримам религиозный оптимизм...и служил той идейной основой, на которой формировалось духовное лицо Америки» [2, 18]. Однако, признавая основополагающую роль пуритан, исследователи по-разному оценивают влияние, которое отцы-пилигримы оказывали на страну, средства и последствия достижения тех целей, которые они перед собой ставили.

Большинство пуритан изначально стали переселяться в Америку в поисках свободы вероисповедания. Сложно не согласиться с Дж. Каленом, который пишет, что «...первая великая американская мечта – мечта маленьких групп английских религиозных сектантов, которые пересекли океан в поисках возможности поклоняться Господу так, как считали правильным» [8, 8]. Однако не все исследователи согласны с подобной точкой зрения. Д. Бурстин, например, настаивает на том, что основной причиной переселения была не религиозная, а, скорее, социальная. Пуританам в Америке, по его мнению, гораздо важнее было «утвердить свой общественный порядок...нежели избежать преследований за убеждения» [1, 47]. Того же мнения придерживается и Б. Перри, который пишет, что «их доктрина не была религиозной, но со-

* © Коновалова Ж.Г.

циальной и политической» [9, 57]. По нашему мнению, в переселении пуритан в Америку сыграла роль совокупность этих факторов. С одной стороны, сложно отрицать гонения, которым подвергались пуритане в Англии. С другой, очевидно, что в Новой Англии пуритане организовали свой собственный общественный уклад и стремились контролировать не только религиозные воззрения первых поселенцев, но и политическую, экономическую и социальную стороны жизни колоний. Так, Дж. Уинтроп писал: «Мы должны находить радость друг в друге, делать жизнь других своей жизнью, радоваться вместе и печалиться вместе, трудиться и страдать вместе, всегда держа перед глазами наше доверие друг к другу и нашу коммуну в труде, членов нашей коммуны как частей одного целого» [8, 23]. Данное высказывание вполне четко характеризует модель общества и человеческой жизни, которую «отцы-пилигримы» намеревались создать в Новой Англии.

В целом, «пилигримы», прибывшие в Америку, считали себя наследниками целого ряда религиозных, философских, политических и социальных идей, которые они намеревались претворить в жизнь на новом континенте. С одной стороны, в основе их верования, лежали идеи Кальвина по реформации и «очищению» церкви. Они, по словам Томаса Шепарда и Джона Олина, не только видели в своей миграции переход от развращенных церквей к непорочным, они также думали о ней как об «установлении священного благосостояния» [7, 38]. С другой стороны, помимо требования заменить католические начала протестанскими, упростить церковные обряды и церковную службу, помимо того, что в Америке они получают свободу вероисповедания, пилигримы верили в то, что они являются преемниками «племен, которые сорок лет бродили по пустыне, после того, как покинули Египет и образовали нацию Израиля...» [8, 16-17]. Вообще, тема пустыни («wilderness») была очень распространена в первых американских проповедях. Пуританам Новой Англии их земля виделась местом пустынным, полным неожиданностей и жестокостей. Именно там колонистам суждено было построить «Град на Холме», справедливое общество, где у всех будут равные возможности трудиться, то есть своего рода утопию. Вполне очевидно, что отцы-пилигримы видели в ветхозаветном Израиле прообраз государства, который они собирались создать на американском континенте. Пуритане идеалом считали теократическое государство,

с такой формой правления, при которой Бог властвует над народом через своих пророков и судей в качестве первосвященников, а не земных царей. Не случайно, наиболее часто встречающимися выражениями в их проповедях являлись «американский Иерусалим», «новоанглийский Иерусалим», «американский Ханаан», «Новый Ханаан».

Однако первые поселенцы, по словам У. Холера, чувствовали, что они не только «наследники мантии Израиля, потерянной английскими Стюартами», но и «выдающаяся группа святых, призванных заветом Господа, что отделило их от большинства человечества» [7, 38]. В этом представлении и кроются корни двух основных концепций «американской мечты» – концепции американской избранности и понимания особой миссии Америки. Пуритане считали, что они – особый народ, избранный Богом, а сама Америка – земля обетованная, приготовленная Богом для своего избранного народа. Таким образом, отцы-пилигримы видели себя хозяевами земли, на которую они пришли. Положение о том, что американцы – избранный народ, появляется в трудах американских идеологов с самых ранних времен, еще в колониальный период. Так, Дж. Рольф писал в 1617 году: «Мы не должны бояться, но мы должны прийти как особые люди, отмеченные и избранные перстом Бога для того, чтобы владеть этой землей» [6, 115]. Более того, отцы-пилигримы видели в Америке образец для подражания всему миру, выводя из этого концепцию особой миссии Америки в мире, или идею мессианского призвания.

Помимо концепции «избранности» пуритане привезли в Америку концепцию божественного предначертания. Идею «предначертанной судьбы» Америки впервые сформулировал Дж. О'Салливан в своем политическом журнале *Democratic Review*: «у американцев, – писал он, – есть право, предначертанное судьбой, заселять континент, который Провидение даровало нам для свободного развития нашей год от года растущей многомиллионной нации. Это право столь же естественно, как право дерева занимать своими корнями и кроной пространство в воздухе и в земле, необходимое для его развития и роста» [6, 136].

На стыке концепции избранности и концепции предначертания возникла идея о том, что Америка – попытка Бога дать некое новое начало истории человечества. «Для выполнения благословенной миссии по отношению к другим странам мира, для которых

закрыт свет истины, была выбрана Америка; ее высокий пример разобьет насмерть тирании королей, иерархов и олигархов, принесет светлую весть о мире и доброй воле, там, где несметные тысячи людей ведут существование, вряд ли более достойное зависти, чем существование зверей на лугу. Кто же сможет усомниться в том, что наша страна будет великой нацией будущего?» [6, 137] – писал Дж. О’Салливан в 1839 году. Эта идея получила широкое распространение у религиозных, политических и литературных деятелей, которые часто «отказывались» от своего «европейского» прошлого. Так, Т. Пейн в своем памфлете «Здравый смысл» заявлял: «В нашей власти – начать все сначала». Р. Эмерсон определял себя как вечного искателя без прошлого за спиной. «Прошлое, – писал Г. Мелвилл в «Белом бушлате», – мертво, и ему не суждено воскреснуть; но Будущее наделено такой жизнью, что оно живо для нас даже в предвкушении его». «Вероятно, ни одна другая цивилизованная нация, – было отмечено в *Democratic Review* в 1842 г., – не порывала со своим прошлым так основательно, как американская» [4, 7-8]. С течением времени Америка стала представляться пуританам синонимом духовного возрождения, или символом «новых начинаний». Иными словами, пуритане видели в Америке реализацию концепции «Нового Рая» или «Нового Мира», где американцы начнут жизнь с чистого листа, отказавшись от грехов Старого Света. В этом смысле слово «Америка» стало означать для них «новые возможности», место, где историю можно начать с первого дня сотворения мира. Именно концепцию «новых начинаний» многие исследователи называют одной из основных концепций «американской мечты». Интересно, что концепция «новых начинаний», или «новых возможностей» впоследствии стала более светской и ее начали разрабатывать в своих трудах не только религиозные, но и политические и экономические деятели и писатели.

Так, основные концепции пуритан Новой Англии явились продолжением пуританских концепций Европы. Тем не менее, нельзя отрицать новые идеи или, скорее, черты, проявившиеся на американском континенте из-за определенных условий, которые несколько отличались от европейских. По мнению многих исследователей, например, В.С. Поликарпова, американский протестантизм представлял собой «индивидуалистическую модификацию антропоцентризма, то есть такую картину мира, в центре которой

стоит человек, понимаемый как отдельная личность». Отличие от европейского протестантизма состояло в том, что у беженцев индивидуалистическое начало было более сильным, доходящим до той степени, когда человек заявляет: «Моей жизнью распоряжусь только я, за свои поступки отвечаю я сам, и никто мне не указ» [4, 133]. Еще одним отличием американского протестантизма был его практический характер. Характеризуя условия жизни, которую были вынуждены вести первые поселенцы, Н.А. Анастасьев отмечал суровую природу и неблагоприятно настроенных местных жителей: «а дальше на Запад расстилался дикий, неведомый, полный неожиданных опасностей материк» [3, 112]. Условия были крайне тяжелыми. С другой стороны, они давали достаточную почву для реализации пуританского идеала «физического труда». Сложно не согласиться с В.С. Поликарповым, что «протестантизм в Америке приобрел характер приземленности и обмирщенности, стал все больше концентрировать свое внимание на вопросах обустройства земной жизни, отодвинув на задний план проблему спасения души человеческой через соединения усилий человека и бога...» [4, 193-194]. Богословие интересовало пуритан в чисто практическом смысле. «Условия пустыни, дикой, оторванной от центров науки Старого Света, удаленной от богатейших университетских библиотек, – писал Д. Бурстин, – отнюдь не благоприятствовали тому, чтобы пуритане, каждодневно подвергавшиеся тысячам тягот и опасностей во враждебной, нецивилизованной Америке, с жаром предались богословским спорам по теоретическим вопросам... в этом уголке люди, наконец, обрели возможность всецело посвятить себя практическому приложению христианства – не уточняя символов веры, но возводя стены Храма Сионского» [1, 13]. Не удивительно, что в новоанглийских колониях богословские труды оказались ненужной «роскошью», их место заняли проповеди, комментарии к библейским текстам, собрания «знаменей», законоположения и т. д. Естественно, что и сколько-нибудь серьезных литературных произведений в этот период не создавалось. Поэтому возможно говорить лишь о документальном отображении концепции «мечты» и ее реализации – американском герое. Однако сложно отрицать, что в последующие периоды многие американские писатели обращались к пуританскому наследию (в частности, это было характерно для писателей Новой Англии, например, Г. Мелвила, Н. Готорна, Ю.

О'Нила) и американскому «Новому Адаму», жителю американского Нового Рая (образ Нового Адама особенно часто встречается в романтической литературе США в творчестве таких писателей, как Ф. Купер, Р. Эмерсон и творчестве некоторых писателей-реалистов, например, М. Твена).

Таким образом, пуритане привнесли в концепцию «американской мечты» ее основные составляющие: идею предназначения, богоизбранности и особой миссии Америки в мире, а также заложили основу американского индивидуализма и идеи «новых начинаний».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Бурстин Д. Американцы: колониальный опыт. – М., 1993. – 480 с.
2. Голенпольский Т.Г., Шестаков В.П. «Американская мечта» и американская действительность. – М., 1981. – 208 с.
3. Литература США XX века. Опыт типологического исследования. – М., 1978. – 568 с.
4. Поликарпов В.С. Закат Америки. – Таганрог, 1999. – 417 с.
5. Попова М.К. Национальная идентичность и ее отражение в художественном сознании. – Воронеж,

2004. – 169 с.

6. Сардар З., Дэвис М.В. Почему люди ненавидят Америку? / Пер. с англ. С. Л. Могилевский. – М., 2003. – 240 с.
7. Bercovitch S. The American Jeremiad / S. Bercovitch. – The University of Wisconsin Press, 1978. – 240 p.
8. Cullen J. The American Dream: A Short Story of an Idea that Shaped a Nation / J. Cullen. – Oxford University Press, 2003 – 214 p.
9. Perry B. The American Spirit in Literature, A Chronicle of Great Interpreters / B.Perry. – Oxford University Press, 1991. – 109 p.

Zh. Konovalova

PURITAN COMPONENT OF THE “AMERICAN DREAM”

Abstract. The article deals with the main components of the “American Dream”, the emphasis is being made on dominant role of puritan ideas that form phenomenon of “American dream”, the ideas of destiny being chosen by God. Special American mission in the world, the American individualism and innovations.

Key words: The “American Dream”, puritan component, destiny, God chosen, special mission of the USA in the world.

УДК 821.161.1 “17”

Лаходынова Н.Ю.

ПРОБЛЕМА ЖЕНСКОГО ИДЕАЛА В РОМАНАХ Н.Ф. ЭМИНА (ИЗ ИСТОРИИ РУССКОГО СЕНТИМЕНТАЛИЗМА «ВТОРОЙ ВОЛНЫ»)*

Аннотация. В настоящей статье исследуются особенности нравственно-эстетического идеала русского сентиментализма «второй волны» в романах Николая Федоровича Эмина «Роза» (1786) и «Игра судьбы» (1789) на примере сопоставления женских образов.

Ключевые слова: вторая волна русского сентиментализма, нравственно-эстетические идеалы сентиментализма, философско-эстетическое понятие «красоты», образ чувствительной героини, образ идиллического «идеального пейзажа».

В литературе русского сентиментализма приоритетное внимание в свете становления нового психологизма уделялось рассмотрению духовно-нравственных вопросов в жизни человека и мира. В отличие от классицизма, в сентиментализме, по мнению современного

ученого-исследователя М.В. Иванова, «хронотоп» художественного произведения был представлен достаточно локально, обуславливался небольшой территорией, где существовала малая группа людей, и тем самым «общие категории наполнились теплом конкретного бытия в круге близких людей, величностное значение оборачивалось смыслом реального взаимодействия людей – неформального, гибкого, погруженного в близкую и практически понятную жизнь» [3, 173].

Подобное восприятие мира и человека мы ясно увидим и в творчестве Николая Федоровича Эмина (1767 – 1814) [9, 219], известного представителя второй волны русского сентиментализма. Его более знаменитый отец, Ф.А. Эмин, творил также в русле этого направления, встав фактически у его истоков в России [11, 5]. Перу Эмина-младшего принадлежит ряд известных в свое время в

* © Лаходынова Н.Ю.